

Ольга В. Белова, Владимир Я. Петрухин
(Москва)

ГЕНЕЗИС „ЧУЖИХ” В СВЕТЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭТИОЛОГИИ

W tradycyjnej kulturze ludowej stosunek do wyznawców innej wiary (konfesji) kształtowany jest w ramach stereotypowych wyobrażeń opartych na uniwersalnej opozycji „swój-obcy” i odwołujących do takich cech, jak „czysty-nieczysty”, „święty-grzeszny”, „sakralny-świecki” itd. Ważną rolę w określaniu konfesyjnie „obcego” w kulturze ludowej odgrywają motywy apokryficzne, odwołujące się do zabytków piśmiennictwa własnej kultury. Takie legendy odzwierciedlały swoiste „napięcia” w stosunkach między różnymi konfesjami oraz polemiki międzyreligijne.

Jednym z takich motywów jest przekaz o pokrewieństwie przedstawicieli obcej wiary (żydów, muzułmanów) z nieczystymi zwierzętami (świnia). Motyw ten w różnych wersjach spotyka się praktycznie we wszystkich kulturach słowiańskich. W artykule analizowane są następujące motywy: zamiana kobiety żydowskiej w świnie za to, że Żydzi nie przyjęli nauki Jezusa Chrystusa; pochodzenie Turków od świni i psa; wykopywanie przez świnie z ziemi przedstawicieli poszczególnych narodowości lub konfesji; zakopywanie (=uratowanie) przez świnie osoby świętej. Przytoczone motywy folkloru są pełną niekonsekwencji mieszaniną wyobrażeń na temat różnych konfesji, które łatwo wpisują się w archaiczny gatunek legendy etiologicznej (z motywem metamorfozy „totemicznej” itd.). Wyobrażenia tego typu prawdopodobnie wpływają łagodząco na sytuacje konfliktowe w społeczeństwie tradycyjnym.

В системе традиционной народной культуры отношение к приверженцам другой веры (конфессии) формируется в рамках стереотипных представлений, основанных на универсальной оппозиции „свой-чужой” и соотносимых с такими признаками, как „чистый-нечистый”, „праведный-грешный”, „сакральный-профанный” и др. Важную роль

в определении конфессионально „чужого” в народной культуре играют сюжеты, имеющие книжно-апокрифические корни и восходящие к памятникам отреченной литературы. Подобные легенды отражали своеобразное „поле напряжения” в межконфессиональных отношениях, межконфессиональную полемику или конфликтные ситуации.

Один из таких сюжетов — легенда о родстве иноверцев (иудеев, мусульман) с нечистым животным (свиньей) распространена в различных версиях практически у всех славянских народов (как у православных, так и у католиков) и служит объяснением тех или иных „конфессиональных” особенностей представителей указанных вероисповеданий. При этом основным внешним показателем „жидовской веры” (иудаизма) или „турецкой веры” (мусульманства) для славян становится неупотребление в пищу свинины иудеями и мусульманами (на этом, собственно, и базируется стереотипное представление о родстве и даже тождестве этих двух религий).

Среди материалов, присланных в конце XIX в. в Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева, есть любопытный документ, содержащий крестьянские „отзывы о людях другой веры”, наглядно показывающие особенности традиционного восприятия этнических и конфессиональных „оппонентов”.

„При оценке людей другой веры крестьяне принимают во внимание не столько веру, сколько ту общую молву, которая соединена с той или другой нацией, исповедывающей известную религию. Так, о лицах магометанской религии крестьяне судят по туркам и татарам [...] „Магометана кланяются двум богам: Алаху и Магомиету. Магомиут живёт на семуом небе, а Алах - на десятом. Алах и Магомиет оба суровы, и турки и татары тожо эда // кие: потому какуоф Бохъ, такуоф и прихуот [...] [Прозвища дразнилки татар:] свинуоё ухо, проклятый Магомет, бритолобый поросенок, кутынка (от тат. *кутыны* — задница) [...] // В народном сознании татары равны туркам.

Евреи — наруот хитрый и жадный. Христа продали за 30 серебряников. За што Бох огня у йих родину, пускай живут на цюжих землях. Бох любиу раншэ йих, а как Христа распели, так Бог от и прогнивиуёсё. Худо йим будёт на туом свите. Жыды первыё пойдут в ат. Евреи будут диесвовать (действовать, существовать) до концины мира, до фторуова пришесвия Христа. Из јихнова рода произойдет сам Антихрист. [О вере евреев не знают, только:] Жыды не вирят во Христа. Зачастую по вере евреев смешивают с татарами. // Евреи женятся на мноугихъ жонах и как татары не йидят свинину” (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 376 (Вологодская губ., Тотемский у., зап. И. Суворов, 1899). Л. 11–15).

Аналогичные представления бытовали во времена Османской империи и среди южных славян, которые, безусловно, гораздо чаще, нежели жители Вологодской губ., встречались и с турками-мусульманами, и с евреями-иудеями. Согласно убеждениям болгар, особая близость между евреями и турками объясняется тем, что они „одной веры” — делают обрезание и не употребляют в пищу свинину (подробнее см.: Тодорова 2001: 90–93).

В европейской (в том числе западно- и восточнославянской) фольклорной традиции сюжет о родстве евреев со свиньей бытует в форме стандартного сюжета (см., напр.: Трусевич 1865: 450; Шейн 1873: 715; Драгоманов 1876: 4; Яворский 1915: 8; Левченко 1928: 10; Federowski 1897: 197; PBL 2: 179–180, №2501; Zowczak 2000: 161–162 и др.). Евреи, желая испытать Христа, спрятали под корыто (под бочку, в печь и т.п.) свою родственницу (мать, тетку) или беременную женщину (женщину с ребенком) и попросили угадать, что находится под корытом. Христос ответил: „Свинья с поросятами”. Когда евреи подняли корыто, вместо женщины они обнаружили там свинью. „С тех пор свинью называют жидовской теткой, и жида не едят свиного мяса, как своего тела” (Чубинский 1995: 53).

Более развернутую версию сюжета представляет белорусская традиция (при этом в рассказ о превращении еврейской матери в свинью включаются мотивы, перекликающиеся с апокрифическим „Евангелием Детства” — Христос жестоко наказывает физическими увечьями тех, кто не подчиняется ему). В легенде из окрестностей Слуцка „Аткуль узялася сьвіньня?” евреи поймали Христа и стали издеваться над ним, но одного только взгляда Христа было достаточно, чтобы наказать обидчиков: „Маўчыць Хрыстуос, а туолькі як зірне на таго, хто ягó біў, дак у таго і атсòхне рука”. Испуганные евреи предлагают Христу отгадать, кого они спрятали в сундук (они посадили туда свою мать). Христос ответил, что „была там жыдуоўка, а цепер — сьвіньня”. Евреи засмеялись, но тут из „скрыни” выскочила толстая свинья и бросилась на них. Все разбежались, „застаўса туолько Хрыстуос да тыіе жыды, у каторых атсохлі рукі. І пачалі яны маліца Хрысту да казаць: віеруем, Госпадзі! Памажы нам. — Сжаліўса Хрыстуос ісцаліў ім рукі” (Сержпутоўскі 1926: 97). Свинья же так и осталась, и с тех пор евреи не едят свинины, они „отреклись” от свиньи, „бо сьвіньня — іх матка. Выракліса жыды сваіе маткі да так яіе неўзьлюбілі, што калі ўбачаць сьвіньню ў хаці, як моляца, та кідаюць маліцца да просяць, каб людзі выгналі з хаты сьвіньню” (Сержпутоўскі 1926: 97–98).

Зафиксирован сюжет и на Смоленщине, в Ельнинском уезде: евреи

спрятали от Христа свою тетку: „Аткрыли корыб — думали увидать сваю тетушку, ажно запраўду свиння на их такая страшенная, як лось — „у-ух, у-ух!”. Са страху жиды уси свае пантохвильки растираля. С тых пор яны ня молютца у хати, кали там свиння находитца, а про- сють:

— А ўзу, паза́лыста, выгыньтя свинню!” (Добровольский 1891: 243).

Данный сюжет до настоящего времени является элементом живой фольклорной традиции в украинско-белорусском Полесье. Приведем только несколько примеров.

„Як ходиў уже Исус, ну так он пошоў людей исцелять. Хто слепый, хто кривый, то уже он зробіт так, шоб бачиў. То жыды кажуть: „Не верим! Раз ты такой знахорь, то угадай, шо под тим корытом есть,„ Жыдоўку запэрли под корыто. То он каже: „Свиння с поросятами”. И з той жыдоўки зробилась свиння с поросятами. Одвэрнули корыто — то свиння с поросятами” (с. Тхорин Овручского р-на Житомирской обл., ПА 1981, зап. О. В. Белова).

„Яны [еврей] взяли падлажыли пад карыто жыдоўку и спрашивают:

— Што тут?

— Свиння и парася.

Аткрыли, а там свиння и парася. И от еўрэи свинины не едят, гавбрать: „То наша тётка” (с. Комаровичи Петриковского р-на Гомельской обл., ПА 1983, зап. О.В. Белова).

„Колы Исус Христос ходыў по свити, проповедовал, и люды не вирилы, жыды, шо то пророк. Ну, воны взяли пид корыто положили людыну, жыдиўку. И сказали на ёго: „А ну, того, як шо ты ўгадаеш, хто там лэжыть, пид тым корытом, значыть, ты пророк Божый,„ А воны кажуть на ёго: ўгадай! А вин сказаў йим, шо свиня лэжыть с поросятами. Ну, воны стали ў долони плэска́ты, шо вин нэ ўгадаў, а сказаў, шо свиня с поросятами. Вони открывають корыто, а там свиня лэжыть с поросятами. Та людына, жыдиўка, пэрэтворылася ў свиню. От того вони не едят [свинины]. И тэлят вони не ядят с за́да, тылько пэрэдка́, бо, кажэ, там... хрэст [на спине]. И рыбы, щучки, не едят. Бо, кажэ, ў голови тожэ хрэст [т.е. кость в форме креста].” (с. Речица Ратновского р-на Волынской обл., 2000, зап. О.В. Белова)

В связи с рассмотренным сюжетом упомянем и украинско-белорусское поверье, бытующее и в наши дни: считается, что, если мужчина вступит во внебрачную связь с еврейкой, у него в хозяйстве будут хорошо плодиться свиньи. А по смоленскому поверью, если свиньи не велись, следовало пожертвовать на „жидовскую школу” 2 или 3 копейки, и „будуть весца свиньи, парасить памногу, и повод будить хароший” (Добровольский 1891: 243).

Сюжет с превращением в свинью хорошо известен в европейской традиции (ср. Dähnhardt 1904; Fabre-Vassas 1997), причем отдельные версии

этого сюжета носят более рационализированный характер. К примеру, в швабской версии Иисус и апостол Петр видят фарисея, который сидит перед своим домом в некоем городе. Он только что зарезал свинью и сушит корыто, под которое забрались поиграть его дети. Фарисей, желая испытать пришельцев, спросил, что у него под корытом, и Господь ответил, конечно, что там его дети. Не знавший о детской игре фарисей возразил, что там его свиньи, и дети действительно превратились в поросят. В гасконском сюжете, не связанном с евреями, в поросят превратились дети, которые во время посещения Иисусом их дома спрятались в хлеву и повизгивали там. Правда, хозяйка умолила Господа вернуть детям человеческий облик. В латвийской версии евреи прячут под одно корыто еврейку с детьми, под другое — свинью с поросятами, Иисус же превращает людей в животных, а свиней в людей. Эта же сюжетная схема реализуется в одной из польских легенд. Несколько евреек, желая узнать, является ли Христос настоящим пророком, спрятались в хлев и, когда Христос проходил мимо, спросили его: „Zgadaj, Jezusie, kto jest w tym chlémie? czy mąż, czy białogłowa, czy dziecię?”. Христос ответил: „Świnie s prosiętami”. Когда открыли двери хлева, оттуда действительно вышли свиньи и поросята (Siarkowski 1883: 108–109).

В средневековой иконографии, прежде всего, немецкой, по крайней мере с XIV в. распространяется сюжет „еврейской свиноматки” — изображение свиньи, кормящей еврейских младенцев молоком (при том, что взрослые евреи пожирают ее испражнения — Трахтенберг 1998: 97; Fabre-Vassas 1997: рис. 8–14; за указание на это ценное издание авторы благодарят Валерия Дымшица). Этот сюжет, известный и в храмовом искусстве (в том числе в кафедральном соборе Нюрнберга), оставался одним из источников фольклорной версии „свиноматки”: ныне ведется полемика с властями о необходимости помещать пояснительные таблички о происхождении сюжета (см. Мюллер 2004).

Сюжет „еврейской свиноматки” давно сопоставлен с мотивом апокрифического „Евангелия Детства”, причем в его восточной (арабской, восходящей к древней сирийской) версии (см. Fabre-Vassas 1997: 92 ff.). Согласно этому источнику, ребенок Иисус наказывает своих сверстников, которые, не желая играть с ним, прячутся от него в доме. Стоящие у дверей женщины уверяют Иисуса, что детей там нет — „под кровлей” только барашки, и Иисус призывает „барашков” выйти к своему пастырю — превращает детей в барашков (*Евангелие Детства*, глава 40/39/). Сходный мотив изложен также в древнесербской версии „Евангелия Детства” — апокрифического Евангелия от Фомы (XIV–XVI вв.): дети, запершись в хлеву, на вопрос Иисуса „кто там?”, отве-

чают „свиньи!“ и по заклетию Иисуса превращаются в свиней (Лавров 1899: 116).

Показательно, что этот же сюжет использовался евреями-выкрестами для обличения своих бывших единоверцев. В 1602 г. крещеный еврей Франциск из Пьяченцы опубликовал каталог тайных „еврейских“ хворей, согласно которому представители всех 12 колен Израилевых имеют некие тайные „знаки“, передающиеся от поколения к поколению. Так, евреи из колена Нафтали приказали своим детям спрятаться в свинарниках, визжать и хрюкать. Когда Иисус, несший крест, проходил мимо, родители спросили его, что это было. Иисус ответил: „Это ваши дети“. Но евреи настаивали, что он не угадал и это хрюкали свиньи. Тогда Иисус сказал: „Если они свиньи, пусть будут свиньями и остаются свиньями“. С тех пор у всех потомков Нафтали во рту четыре больших свиных зуба, свиные уши, и они смердят, как свиньи“ (Трахтенберг 1998: 49).

Мотив „родства“ нашел отражение и в средневековой ритуалистике. Согласно свидетельствам западноевропейских источников, с XIV в. известна специфическая процедура приведения еврея к присяге: клянувшийся должен был встать босиком на шкуру свиньи (забитой специально для этой процедуры) так, чтобы пальцы его касались сосков на шкуре (Görög-Karady 1992: 123–124; Fabre-Vassas 1997: 127). Сходное описание было зафиксировано в Белоруссии, в окрестностях Слуцка. В 1920-е гг. крестьяне рассказывали, что только в одном случае евреи „поминают“ свинью, а именно — когда присягают у раввина в синагоге. Они становятся на свиную шкуру и говорят: „Присягаю тебе, Аданай, присягаю тебе, Шадой, што гэто праўда, як праўда то, што гэто мая матка“. Такая клятва считается нерушимой, и еврей никогда не солжет „пад хараімам, як стаіць на сьвіной шкуры“ (Сержпутоўскі 1926: 98). В версии „еврейской присяги“, записанной в Добжиньской земле, присутствуют дополнительные колоритные детали: от присягающего еврея требуют, чтобы он надел смертную рубаху с нечетным количеством *цицит* (специальных нитей с кисточками на концах. — О.Б., В.П.), взял в руку зажженную черную свечу и встал на доску, на которой носят покойника (Petrow 1878: 23).

Что касается мусульман, то доказательство их родства с „нечистыми“ животными было актуально для южнославянской традиции, которая разрабатывала иную схему сюжета: например, согласно болгарской легенде, турки происходят от свиньи и собаки, которые были мужем и женой (Тетевенский округ, Ловешки край 1999: 280, ср. АЕИМ 150 II. Л. 13; СБНУ 1894/11: 69–70, окрестности г. Габрово). Поэтому тур-

ки не едят свиного мяса и почитают собаку (окрестности г. Ловеч на севере Болгарии). По верованиям болгар, после смерти плохие турки становятся свиньями (ю.-зап. Болгария, Санданский округ, АИФ 77 III. Л. 245–246). В окрестностях Дупницы (зап. Болгария) считали, что души грешных турок переходят в свиней, а праведных — в собак, которые сидят на плетеных циновках у ворот христианского рая (СБНУ 1914/30: 17).

С турками („детьми свиньи”) в болгарском фольклоре связан также архаический сюжет об измерении земли с помощью шкуры животного, известный во многих мифопоэтических традициях с античной эпохи. В основе — вергилианский миф об основании Карфагена Дидоной, бежавшей от убийц мужа в Африку, где она купила у берберского царя землю: земли она могла взять столько, сколько покроет шкура быка: разрезав шкуру на ремни, Дидона получила земли достаточно для основания города (МНМ 1: 377). В болгарском народном предании первый болгарский царь Константин получил от самого Христа столько земли, сколько покроет шкура вола: царь также режет шкуру на ремни и создает Болгарское царство (Бадаланова 1993: 148; предание записано у болгар-переселенцев в Запорожской обл. Украины.)

Бычья или воловья шкура фигурирует также в южнославянских легендах о том, как турки получили свою долю земли (см: Георгиева 1996: 68, 83–85; СБНУ 1900/16–17: 307, Чирпанский округ; 307–308, Орханийский округ; 310–311, окрестности г. Велес); СБНУ 1983/57: 881, обл. Странджа; АЕИМ 925. Л. 49–50, окрестности г. Ловеч). В одном из вариантов этого сюжета в качестве измерительного средства применяется шкура свиньи. Это легенда из окрестностей Перника (зап. Болгария) о том, что 7 детей (6 братьев и сестра), которых родила свинья, отмерили себе земли (всю Малую Азию!) с помощью разрезанной на полоски свиной шкуры и наплодили целый народ (мотив инцеста) — турок. С тех пор турки не едят свинины, как „мы” не едим человечины (АЕИМ 922 II. Л. 48–49).

Запрет на употребление мусульманами свинины объясняется по-разному. Легенды из окрестностей Пловдива и Кырджали (юж. Болгария) повествуют о том, что раньше турки („кызылбаши” и „мохамедане”) свинину ели, но только один бок — тот, что сверху, когда свинья лежит. Но однажды свинья улеглась в грязь, и турки забыли, какой бок она испачкала. С тех пор они брезгают есть свинину (АИФ 5 II. Л. 75, окрестности г. Пловдив; АИФ 19 III. Л. 224, окрестности г. Кырджали). Согласно поверьям сербов из области Височкой Нахии, мусульмане не едят свинину, т.к. однажды свинья потерялась о мечеть. Мотивация

проясняется при обращении к предшествующим сюжетам: мусульмане не заметили, какой бок у свиньи стал „чистым” (Филиповић 1949: 198). В европейском фольклоре сходный сюжет существует и по отношению к евреям. Так, согласно венгерской легенде, пастух со свиньями проходил мимо Голгофы. Одна из свиней почесалась боком о крест, на котором был распят Христос (при этом не оказалось свидетелей, указавших бы, каким именно боком свинья прикоснулась к распятию). С тех пор евреи перестали есть свинину, чтобы невзначай не попробовать мяса от того бока, которым свинья прикоснулась к кресту (Görög-Karady 1992: 124; Fabre-Vassas 1997: 326). Польская легенда из окрестностей Олькуша (текст явно подвергся трансформации) также воспроизводит мотив частичного пищевого запрета, связанного со свиньей. Желая испытать Христа, евреи спрятали под корыто свинью (так!); отвечая на вопрос, кто спрятан под корытом, Христос сказал, что там их „тетка” (таким образом, мотив превращения здесь отсутствует, но при этом „родство” устанавливается и закрепляется силой Божьего слова!). Поэтому евреям можно есть свиней, но „только с одного бока”, однако они не знают точно, на каком боку лежала под корытом свинья и на всякий случай не употребляют ее в пищу (Ciszewski 1887: 39).

Запрет на употребление свинины имеет и распространенное „рациональное” объяснение, вероятно, восходящее к Маймониду, — свинина быстро портилась на жаре (Fabre-Vassas 1997: 5). По болгарским легендам, Мухаммед запретил своим единоверцам есть свиное мясо, т.к. оно быстро портилось в жарком климате и люди от него болели (с.-вост. Болгария, Разградский округ, АИФ VIII 12. Л. 30; ю.-вост. Болгария, окрестности Кырджали, АИФ 19 III. Л. 224; сев. Болгария, г. Ловеч, АЕИМ 909 II. Л. 270).

Пищевой запрет может быть связан и с проклятием, наложенным на свиней. Согласно легенде из Странджи (вост. Болгария), пророк Илия и Мухаммед состязались в способностях творить чудеса. Илия ударил в камень жезлом, и потекла вода. Мухаммед решил перехитрить Илию, закопал в песок мех с водой, чтобы в нужный момент ударить в это место жезлом. Но свиньи вырыли мех и разорвали кожу, вода вытекла, Мухаммед не смог явить чудо и был посрамлен (СбНУ 1983/57: 881). Аналогичный сюжет бытует и среди украинцев Причерноморья, что может быть результатом этнокультурных контактов с болгарскими переселенцами (Дикарев 1896: 5–6).

Образ свиньи оказывается значимым и при оценке происхождения „чужого” этноса или „чужой” религии. Болгары в окрестностях Хасково (юж. Болгария) считали, что на Новый год (*Василовден*) цыгане

украшают свиную голову, поют и танцуют в честь того, что „свинето е изрило цигането на бял свят” (свинья выкопала цыган на белый свет; АИФ 285 II. Л. 165). Есть и версии-„перевертыши”: согласно легенде из окрестностей Смоляна (юж. Болгария), свинья произошла от цыгана, который свалился в могилу на кладбище (АЕИМ 661 II. Л. 7).

Характерная параллель мотиву „выкапывания” обнаруживается в другой зоне напряженных межконфессиональных отношений. У марийцев, которые упорно сопротивлялись христианизации, в начале XX в. записана легенда о свинье, как нечистом животном (влияние соседних мусульман). Юмо (Бог) раздавал судьбу животным. Свинье он сказал: „Что будешь находить под ногами, то ешь”. Свинья отправилась в день Пасхи копать в поле (нарушение запрета на работу в праздник); там она выкопала из земли Христа. С тех пор люди стали отмечать праздник Пасхи. Христос „отдал для людей свою кровь, напоил людей кровью. С тех пор вино „тар” (священное жертвенное вино) называют Христовой кровью” (*Марийский фольклор* 1991: 29, 264; записано венгерским ученым Эденом Беке в 1916–1918 гг. от военнопленного марийца Дмитрия Рыбакова (35 лет) из д. Туршомудаш Яранского уезда Вятской губ.).

Для восточнославянских народных легенд, развивающих этноконфессиональную тематику, характерен противоположный мотив „закапывания”, связанный со свиньей как с животным, разрешенным в пищу христианам в отличие от иудеев и мусульман. Так, на Волыни рассказывали, что христианам дозволено есть свиней, т.к. свиньи „зарыли” скрывающегося от евреев Христа в сарае и легли при дверях. Преследователи подумали, что здесь свиной хлев, и прошли мимо (Зеленин 1914: 321; ср. комплекс сюжетов о благословленных и проклятых животных в связи с новозаветными этиологическими легендами). В Покутье считали, что свинья заслуживает „посвящения” (имеется в виду освящение поросенка на Пасху) за то, что она зарывала следы Христа, когда его вели на распятие (видимо, с целью облегчить его участь); курица же, наоборот, разгребала следы, делала их видимыми — за это курицу не освящают в церкви на Пасху (Kolberg 1963: 171–172).

Что касается запрета евреям употреблять в пищу свинину, с которого мы начали наше исследование, то в некоторых локальных традициях он может сочетаться с мотивом „выкапывания”. Согласно полесской легенде, евреи перестали есть сало после распятия Христа: „Жыды нэ йилы сала. [Когда те, что распяли Христа,] поховались в яму, а сви́ни йих вирили, и йих знайшли” (с. Курчица Новоград-Волынского р-на Житомирской обл., 1981, зап. О.В. Белова). Поскольку свиньи выдали

местонахождение евреев, прятавшихся в яме от возмущенного народа, желавшего наказать их за распятие Христа, евреи сочли невозможным для себя в дальнейшем есть свинину.

В хронологическом отношении перечисленные мотивы восходят, как правило, к дохристианской — античной эпохе. Петроний (Fragmenta №37) саркастически приписывает евреям обожествление свиньи, Ювенал замечает, что свинина запретна для иудеев так же, как человеческое мясо. Наконец, Плутарх в „Застольных беседах” (5,2) приводит „рационализированное” обоснование запрета на свинину, приписанное египтянам: „Свинье же, по их [египтян] словам, почет оказывается по вполне основательной причине: первой взрыхлив землю своим длинным рылом, она, как гласит их предание, оставила след пахоты, и тем самым показала, каково назначение сошника [...], если бы иудеи гнушались свиньей, то убивали бы ее также, как маги — водяных крыс. В действительности же для них убить свинью — такое же нечестие, как и отведать ее мяса. Возможно, имеет смысл предположение, что, подобно тому, как почитают они осла, показавшего им источник воды, так воздают они поклонение и свинье, научившей их севу и пахоте” (см. об античных сюжетах — Штерн 1997: 446, 553–554).

Приведенные фольклорные мотивы представляют парадоксальное смещение представлений (в том числе „бродячих” книжных сюжетов) о различных конфессиональных традициях, которое свободно вписывается в архаический жанр этиологической легенды (с „тотемическими” превращениями и т.п.). Подобные представления, очевидно, „снимают” конфликтные ситуации в традиционном обществе.

Литература и источники

- АИФ — Архив Института фольклора Болгарской Академии наук, София
 АЕИМ — Архив Этнографического института и музея Болгарской Академии наук, София
 АРЭМ — Архив Российского этнографического музея, Санкт-Петербург
 Бадаланова 1993 — Бадаланова, Флорентина, *Культ царя Константина у болгар*, [В:] *Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения* — П. М., 1991. С. 145–155.
 Георгиева 1996 — Георгиева, Албена, „Чуждият” според българските етиологични легенди, „Етнология” 2. София, 1996. С. 64–97.
 Дикарив 1896 — Дикарив, Митрофан, *Чорноморські народні казки й анекдоти*, [В:] *Етнографічний збірник*, Львів, 1896. Т. 2. С. 1–50.
 Добровольский 1891 — Добровольский, Владимир Н., *Смоленский этнографический сборник*, СПб., 1891. Ч. 1.

- Драгоманов 1876 — Драгоманов, Михаил, *Малоросские народные предания и рассказы*, Киев, 1876.
- Евангелие детства* — Иисус в документах истории, Сост. Бориса Г. Деревенского. СПб., 1998. С. 260–286.
- Зеленин 1914 — Зеленин, Дмитрий К., *Описание рукописей Ученого архива Императорского географического общества*, Петроград, 1914. Вып. 1.
- Лавров 1899 — Лавров Петр А., *Апокрифические тексты*, СПб., 1899.
- Левченко 1928 — *Казки та оповідання з Поділля. В записках 1850–1860-х рр.* Вип. I–II. Упоряд. Микола Левченко, Київ, 1928.
- Ловешки край* 1999 — *Ловешки край*, София, 1999.
- Марийский фольклор* 1991 — *Марийский фольклор*, Йошкар-Ола, 1991.
- МНМ — *Мифы народов мира*, Т. 1. М., 1980.
- Мюллер 2004 — Мюллер, Райнхард, „Еврейская свинья” как эстетическая ценность, „Еврейское слово”, №7 (180), 11-17 февраля 2004. С. 4.
- ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва
- СБНУ — *Сборник за народни умотворения, наука и книжнина*. София, Т. 1. 1889.
- Сержпутоўскі 1926 — Сержпутоўскі, Александар, *Казкі і апавяданьні беларусаў з Слуцкага павету*, Л., 1926.
- Тодорова 2001 — Тодорова, Олга, *Евреите в българската словесност от началото на XIX век до Освобождението*, [В:] *Балкански идентичности*, София, 2001. С. 88–111.
- Трахтенберг 1998 — Трахтенберг, Джошуа, *Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом*, М., Иерусалим, 1998 (5758).
- Трусевич 1865 — Трусевич, Игнатий, *Поверья и предрассудки*, „Киевлянин” 1865. №111. С. 449–450.
- Филиповић 1949 — Филиповић Марко С., *Живот и обичаји народни у Височкој Нахији*, Београд, 1949.
- Чубинський 1995 — Чубинський, Павло, *Мудрість віків*, Київ, 1995. Кн. 1.
- Шейн 1873 — *Белорусские песни, собранные П.В. Шейном*, Записки Императорского географического общества. СПб., 1873. Т. 5. С. 281–850.
- Штерн 1997 — *Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме*, Введение и комментарии Менахема Штерна. Русское издание под редакцией Натальи В. Брагинской. Т. 1. *От Геродота до Плутарха*, М.-Иерусалим, 1997.
- Яворский 1915 — Яворский, Юрий А., *Памятники галицко-русской народной словесности*, Киев, 1915. Вып. 1.
- Ciszewski 1887 — Ciszewski St., *Lud rolniczo-górnicy z okolic Slawkowa w powiecie Olkuskim* [:] *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, Kraków 1887. Т. 11. С. 1–129.
- Dähnhardt 1904 — Dähnhardt Oscar, *Natursagen*, Leipzig 1904.
- Fabre-Vassas 1997 — Fabre-Vassas Claudine, *The Singular Beast. Jews, Christians and the Pig*, New York 1997.
- Federowski 1897 — Federowski Michał, *Lud Białoruski na Rusi Litewskiej*, Kraków 1897. Т. 1.
- Görög-Karady 1992 — Görög-Karady Veronica, *Ethnic stereotypes and folklore* [In:] *Folklore Processed. In Honour of Lauri Honko on his 60th Birthday*, Helsinki 1992. P. 114–126.
- Колберг 1963 — Kolberg Oskar, *Dziela wszystkie*, Т. 31: *Pokucie*, Cz. 3. Wrocław, Poznań 1963.

- PBL — Krzyżanowski Julian, *Polska bajka ludowa w układzie systematycznym*, Wrocław-Warszawa-Kraków 1962–1963. T. 1–2.
- Petrow 1878 — Petrow, Aleksander, *Lud ziemi Dobrzyńskiej, jego charakter, mowa, zwyczaje, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, Kraków 1878. T. 2. S. 3–182.
- Siarkowski 1883 — Siarkowski Władysław, *Podania i legendy o zwierzętach, drzewach i roślinach. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*, Kraków 1883. T. 7. S. 106–119.
- Zowczak 2000 — Zowczak Magdalena, *Biblia ludowa. Interpretacje wątków biblijnych w kulturze ludowej*, Wrocław 2000.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. (Проект 03-06-80067 „Этнокультурные стереотипы в картине мира славянских народов (электронная текстовка и поисковая система)”).

THE ORIGIN OF “THE OTHERS” IN THE LIGHT OF FOLK ETIOLOGY

In traditional folk cultures the attitude to peoples of other faith is shaped within the frames of ideas based on the universal opposition of “us–them/the others” and evoking the features of “pure–impure”, “sacred–sinful”, “sacral–secular” etc. An important role in confessional descriptions of “the others” is played in folk culture by apocryphal motifs connected with the vernacular literary tradition. Such legends reflected religious polemics and tensions in the relationships between various confessions.

One of such motifs is an account of the relatedness of people of other confessions (Jews, Muslims) with impure animals (the pig). The motif, in different versions, can be found in all Slavic cultures. The following versions are analyzed in the article: a transformation of a Jewish woman into a pig as a consequence of the Jews’ rejection of the teaching of Christ; the origin of Turks from the pig and the dog; the act of digging out from the ground, by a pig, of representatives of certain nationalities or confessions; the act of hiding in the ground, by a pig, of a saint. These folk motifs are mixtures, full of inconsistencies, of ideas concerning various confessions. They can be easily classified as belonging to the archaic genre of the etiological legend. Such ideas probably have a soothing effect in conflicts arising in traditional communities.